
МИР И БЕЗОПАСНОСТЬ

К ВОПРОСУ ОБ УПРАВЛЕНИИ ГЛОБАЛЬНЫМИ ПРОЦЕССАМИ

Г.Ю. Филимонов

Кафедра теории и истории международных отношений
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

Новая система глобального управления выстраивается по сетевому принципу. В статье анализируется феномен управляемой хаотизации и его влияние на современную борьбу за власть. Автор полагает, что процессы взаимозависимости вынуждают мировую элиту нести обязательства наднационального характера.

Ключевые слова: глобальное управление, глобализм, США, Совет по международным отношениям, транснациональные корпорации.

На сегодняшний день под воздействием объективных обстоятельств, иллюстрируемых происходящими в мировой политике событиями, все больше актуализируется тема технологий разработки и принятия внешнеполитических решений как отдельными государствами, так и многосторонними международными институтами. Не секрет, что реальный механизм разительно отличается от изложенных в учебной и научной литературе структурированных аппаратных моделей.

На арену истории вышел новый субъект международных отношений — так называемый «глобальный управляющий класс», представленный группами влияния в составе руководителей крупных транснациональных корпораций, бывших и нынешних глав государств и членов правительств, руководства силовых структур стран-участниц процесса, авторитетных представителей экспертного сообщества и культуры, продуцирующий образы, формирующие благоприятный климат, т.е. площадку для эффективной реализации мировыми элитами глобальных политических, финансово-экономических и военных задач. При этом ключевые члены этого социума — глобальные игроки из числа бывших и нынешних глав в основном ведущих стран Запада и «капитанов» бизнеса — несут политические и финансово-экономические обязательства транснационального характера, зачастую не отвечающие текущим потребностям народов стран их происхождения и национальным интересам этих суверенных государств.

Отсюда формируется «западное» понимание одного из магистральных условий функционирования современного государства как игрока на глобальной арене — способность и готовность его истеблишмента руководствоваться не столько внутренними факторами и национальными интересами своей страны, сколько законами взаимодействия на наднациональном уровне. Анализируя картину мировой политики сегодня, сложно избавиться от устойчивого ощущения наличия наднациональных «правил игры» бюрократических элит.

Верхним уровнем глобального управляющего класса можно считать те разноформатные «клубные» объединения транснациональных государственно-корпоративных «менеджеров», которым обычно присваивают поверхностное наименование — «мировое правительство». Однако этот термин не отражает в полной мере содержания существующего феномена. Необходимо рассматривать это объективно существующее явление как адекватный инструмент формирования государственного истеблишмента и обеспечения процесса проработки, принятия и реализации внутри- и внешнеполитических решений, уходя от акцента на некорректном штампе «теория заговора».

Несколько лет назад в журналистской политологической среде появился еще один термин — «глобальные племена» («global tribes») — структуры, ведущие мировую борьбу за власть, информацию и ресурсы [4]. При этом «центр тяжести» смещается в зависимости от доминирования определенной «группы влияния» в конкретный исторический период.

Произошедшие в 2011 г. массовые уличные беспорядки в Лондоне, дело бывшего директора-распорядителя МВФ Д. Стросс-Кана, очередное нагнетание напряженности в Косово (искусственно образованном наркотеррористическом анклав в центре Европы) и некоторые другие известные события иллюстрируют борьбу упомянутых групп влияния за власть, финансовые потоки, информацию и природные ресурсы.

В этом контексте военная операция в Ливии — ключевое событие 2011 года с позиции западной внутриэлитной «распасовки». Стоит отметить все более очевидную линию заинтересованных международных структур с основным «портом приписки» в США на управляемую хаотизацию (в русле Большого и нестабильного Ближнего Востока), заменяющую необходимость физического присутствия военного контингента в регионе и предоставляющего обширные возможности для «рыбной ловли в мутной воде». Кроме того, помимо очевидных задач доступа и контроля над ливийскими месторождениями углеводородов на повестке дня оказывается еще более значимая мотивация вторжения — перераспределение мировых финансовых потоков (за счет контроля над новыми активами) между основными мировыми группами влияния и в нужном для этих глобальных игроков направлении [2].

При этом глобальными игроками, в частности, по мнению российского историка А. Фурсова, сегодня нужно называть в основном не государства, а устойчивые кластеры, сетевые структуры (одно из главных исключений — Китай). Поэтому, когда анализируется внешняя политика США и ее влияние на мировую поли-

тику и экономику, «имеется в виду не столько государство США, сколько США как зона деятельности ТНК и финансово-информационных структур, прежде всего, Федеральной резервной системы (ФРС)» [4].

Характерная черта текущего исторического этапа заключается в переходе от управления в интересах государств-наций к управлению в интересах глобальных сетевых структур. Отсюда «развитие принципиально новых форм тайной внешней политики, существенно отличающихся от тайной политики прошлого. Субъектами здесь выступают интегрированные кластеры ТНК, спецслужб, финансовых, религиозных, информационных и академических структур различных стран» [4]. Вместе с тем правомерно отметить наличие постоянного антагонизма и противоборства между национальной бюрократией государств и глобальным управляющим классом (США как стержень этой системы координат не являются исключением).

Хрестоматийные «опорные пункты» западного механизма глобального управления (наряду с другими известными и неизвестными широкой публике объединениями) — американский Совет по международным отношениям (*Council on Foreign Relations, CFR*) и британский Королевский институт международных отношений (*Royal Institute for International Affairs, RIIA*). Они сыграли значительную роль в осмыслении развития и трансатлантических связей. К концу Второй мировой войны эти «фабрики мысли» превратились в надежную опору государственных органов и зачастую замещали их функции. К примеру, через CFR, расширившийся между двумя мировыми войнами с 300 до 663 человек, действовал влиятельный лоббист и идеолог панъевропейского движения Ричард Куденхов-Калерги, призвавший американцев создать в Европе федеративное устройство сразу же после установления мира. В 1946 г. его усилия увенчались успехом, и CFR включила проект единой Европы в список рекомендаций Государственному департаменту.

В деятельности CFR можно проследить ступени развития доктрины глобализма, к осуществлению которой мир нужно было подготовить. Уже в 60—70-е годы пробиваются на поверхность всходы целенаправленной работы всего XX в. по консолидации и созданию наднациональных механизмов контроля над общемировым развитием, в которых стратегия отдельных стран была бы незаметно подчинена поставленным целям. Задача эта связана с панорамными расчетами ведущих сил Запада, которые они вели с начала века в отношении своего политического и экономического будущего. Между двумя мировыми войнами речь шла о рычагах воздействия на оформление нужного идеологического, политического и экономического облика мира, об условиях накопления экономической и финансовой мощи. В этот период были испробованы и первые международные политические и финансовые учреждения — Лига Наций и Банк международных расчетов (БМР). Созданный по плану Оуэна Юнга (Председатель CFR в 20-е годы) якобы для решения репарационного вопроса, БМР успешно укрепил ведущую роль англо-американского капитала в европейской политике. С начала 50-х годов влиятельнейшим сторонником доминирования Америки в международных делах становится

Дэвид Рокфеллер. Возглавив CFR в 1949 г. (ныне — почетный председатель совета директоров), американский банкир снискал мировую славу на политическом и финансовом поприще, принимая активное участие не только в создании идеологии интернационализма, но и ее аппликации по обе стороны Атлантики [5].

К основным каналам разработки и реализации на рабочем уровне программных решений западных «элитных» объединений относятся легендарный Тавистокский институт, Стэнфордский исследовательский институт, Институт социальных отношений, а также самый широкий спектр прочих исследовательских организаций в сфере социальной инженерии, прикладной социальной психиатрии, «фабрики мысли», фонды, НПО, крупные сети финансовых учреждений и т.д.

Известна позиция Д. Рокфеллера, заявившего, «что в процессе долгого периода противоборства сторонников рациональной мысли и иррациональной первые отдали предпочтение глобализации, а иррациональные — предпочли национализм» [6]. На его взгляд, сверхнациональный суверенитет интеллектуальной элиты и мировых банкиров определенно предпочтительнее, чем национальное самоопределение, практиковавшееся на протяжении последних столетий.

Однако такие глобальные интеграционные процессы совершенно не означают отсутствие противодействия. Ответной реакцией служит не только общеизвестное интернациональное движение антиглобалистов, а скорее другой более важный и беспрецедентный доселе феномен — в современной Европе впервые в истории возникла тенденция к зарождению «глобального националистического интернационала» [2].

Стремление к сохранению уникальных традиций, социокультурных и этноконфессиональных особенностей народов, а также государственного суверенитета рождается как естественная реакция общества на многоуровневую унификацию, искусственное «размывание» границ и замену государственно (национально) ориентированной модели социально-экономического развития на суррогатную глобалистскую идеологию.

Одно из актуальных подтверждений нарастания социальной сопротивляемости доктринальным «перегибам» — закономерный крах политики европейского мультикультурализма, о котором в 2011 г. заявили лидеры крупнейших западно-европейских государств. Стремительное политическое «правение» Европы обусловлено тем, что «толерантность» и «мультикультурализм» в европейском исполнении работают не на интеграцию иностранцев или, тем более, их ассимиляцию (как в прошлые века), а на сегрегацию и создание «пятой колонны» Юга [1].

По словам постпреда России при НАТО Д. Рогозина, идеология мультикультурализма — доктрина, сформированная послевоенной идеологией «новых левых» как реакция на европейский нацизм и фашизм. Эта «другая крайность» была спущена решением «сверху». Предполагалось, что новая европейская культура полностью отрешится от консерватизма, национализма и христианской религиозности и станет удобной «толерантной» средой для снятия старых конфликтов и адаптации вновь прибывающих иммигрантов из стран Юга к «свободному ми-

ру». Произошло обратное: радикально ослабленная «автохтонная» культура Европы ничем не привлекала иммигрантов. Массово переезжая в Старый свет, они сохраняли свою самобытность и обособлялись от «безликих европейцев» [1].

Очередным красноречивым доказательством разнонаправленности интересов элит (глобальных управленцев) и граждан государств Запада стало нарастающее в США протестное движение, которое под лозунгом «Захвати Уолл Стрит!» началось в Нью-Йорке и постепенно распространяется на другие американские города. Митингующих объединяет общее чувство несправедливости, звучат как экономические (против деятельности финансовой элиты, безработицы и т.д.), так и политические лозунги. В этом же контексте дополнительным примером могут служить массовые беспорядки в Греции, вызванные недовольством со стороны граждан по поводу урезания социальных государственных расходов ввиду жесткой бюджетной экономии в кризисный период. Что это: очередной спланированный ход глобальных политтехнологов или объективная, выходящая за рамки их контроля, стихийно-революционная тенденция к активному противодействию существующей системе глобального управления, делающего богатых еще более финансово процветающими, а бедных еще беднее?

Важность текущего периода в жизни мирового сообщества озаменована явлением, которое западные эксперты называют глобальным пробуждением (*global awakening*). Представляется логичным и реалистичным рассматривать глобальное пробуждение как первый этап адекватной реакции мировой общественности на сформированную систему наднациональных механизмов управления мировыми, а также внутренними политическими и экономическими процессами в суверенных государствах [3]. Катализатором во все времена выступает кризисная ситуация, затрагивающая каждого отдельного гражданина даже такой страны гиперпотребления, как США.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Выступление постпреда России при НАТО Д.О. Рогозина на Ярославском политическом форуме-2011 // <http://www.kro.su/kronews.php?id=91>.
- [2] Делягин М. Мировой кризис и Россия в нем // <http://forum-msk.org/material/video/6061576.html?pf=2>
- [3] Перкинс Дж. Исповедь экономического убийцы. — М.: Претекст, 2010.
- [4] Фурсов А. Глобальные игроки нового хаосопорядка // Интервью заведомо Азии и Африки ИНИОН РАН, руководителя Центра методологии и информации Института динамического консерватизма А. Фурсова. <http://www.dynacon.ru/content/articles/545/>. По исследовательской концепции А. Фурсова, события, разворачивающиеся на мировой сцене, являются отголоском скрытых от внешнего наблюдателя столкновений теневых мировых группировок. — См.: <http://www.terra-america.ru/globalnie-igroki-za-isklyucheniem-kitayane-gosudarstva-a-ustoiichivye-setevie-strukturi-1.aspx>; www.dynacon.ru/content/articles/545/.
- [5] Цатурян С.А., Филимонов Г.Ю. США на страже безопасности ЕС: глобальное соуправление как необходимость // Вестник РУДН. Серия «Политология». — 2011. — № 5.
- [6] Ronson J. Who pulls the strings? (part 2). — The Guardian. — 10 March 2001 // <http://www.guardian.co.uk/books/2001/mar/10/extract>.

TOWARDS THE GOVERNING OF GLOBAL PROCESSES

G.Yu. Filimonov

Theory and History of International Relations Chair
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

The new system of global governance is built in accordance with network principle. The article contains analyzes of the “controlled chaos” phenomenon and its impact on the struggle for power in the world nowadays. The author believes that the processes of interdependence are forcing the world's elite to have supranational obligations.

Key words: global governance, globalism, the USA, Council on Foreign Relations, transnational corporations.